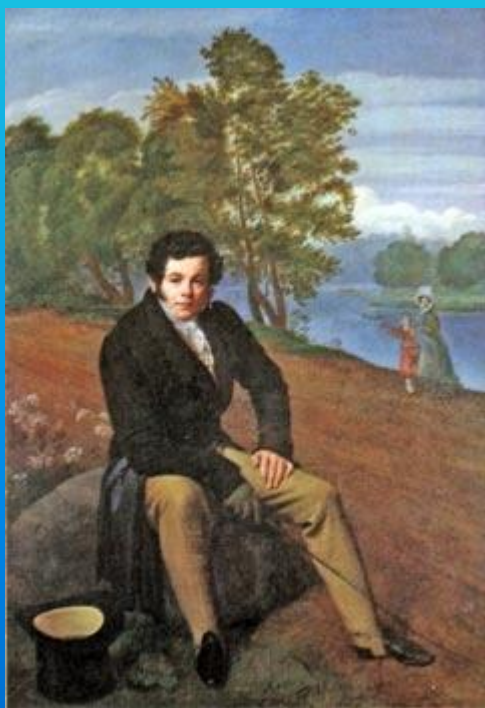
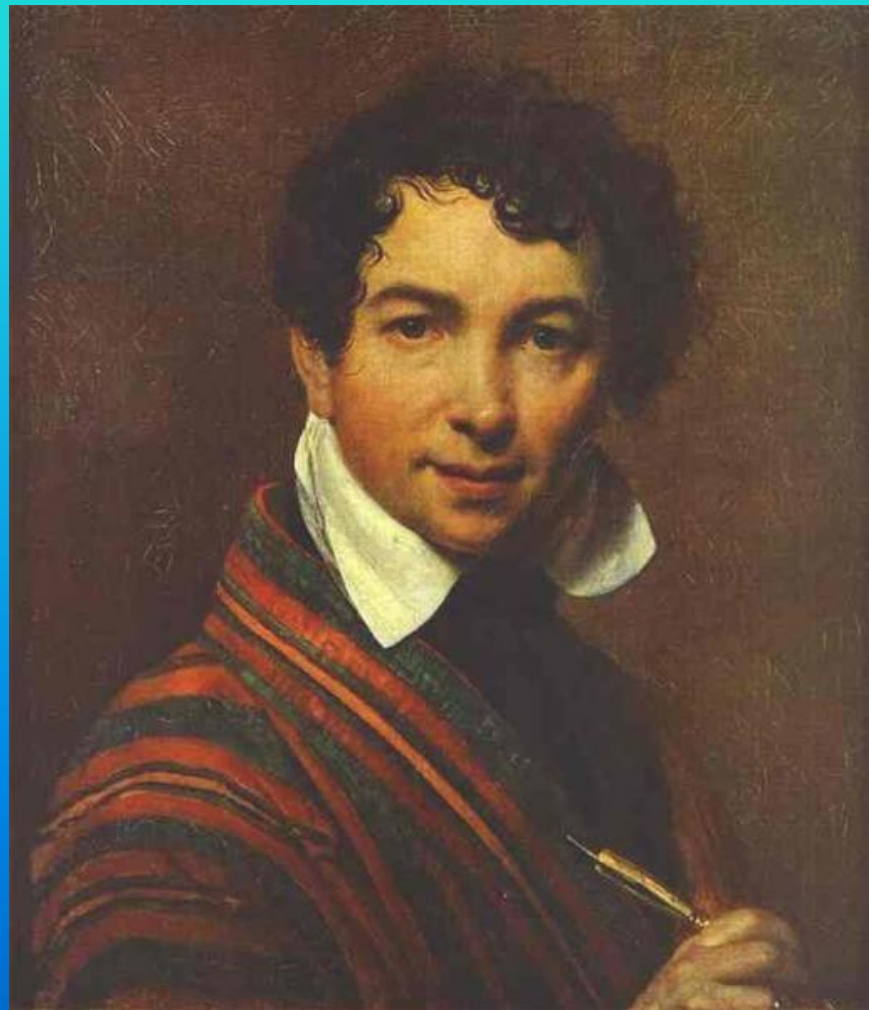

Орест Адамович Кипренский (1782—1836)

Орест Кипренский (1782—1836)

Орест Адамович Кипренский, внебрачный сын русского помещика, воспитывался в семье приёмного отца — Адама Карловича Швальбе, крепостного немецкого происхождения. Фамилия Кипренский вымышленная; возможно, она происходит от имени богини Киприды. Шести лет от роду Кипренский был определён в Воспитательное училище при Санкт-Петербургской академии художеств, а затем и в академию, где учился исторической живописи. Однако настоящим его призванием стал портрет.

Уже одна из первых его работ — подгрудный портрет Адама Швальбе (1804 г.) — имела большой успех. Написанный на деревянной доске портрет казался произведением европейского мастера XVII в. Живопись Кипренского привлекает тёплыми золотистыми тонами в духе любимого им голландского художника Рембрандта. Один из критиков того времени отметил в его полотнах «кисть широкую, смелую, мягкую, колорит сильный, удивительное сочетание в красках, искусные переливы теней».

Совет Академии художеств присудил Кипренскому за картину «Дмитрий Донской на Куликовом поле» (1805 г.) Большую золотую медаль, которая давала право на пенсионерскую поездку за границу. Но отъезд был отложен из-за наполеоновских войн в Европе.

Около 1808—1809 гг. Кипренский выполнил «Портрет мальчика А. А. Челищева». Свободные, смелые мазки, сочетание ярких цветов в одежде мальчика — густосинего, алого, белого — и чёрные, почти без блеска глаза создают образ, в котором сочетаются непосредственность ребёнка и серьёзность взрослого. Художник словно предсказал незаурядную судьбу своего героя. В пятнадцать лет он уже участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в рядах русской армии до шёл до Парижа.

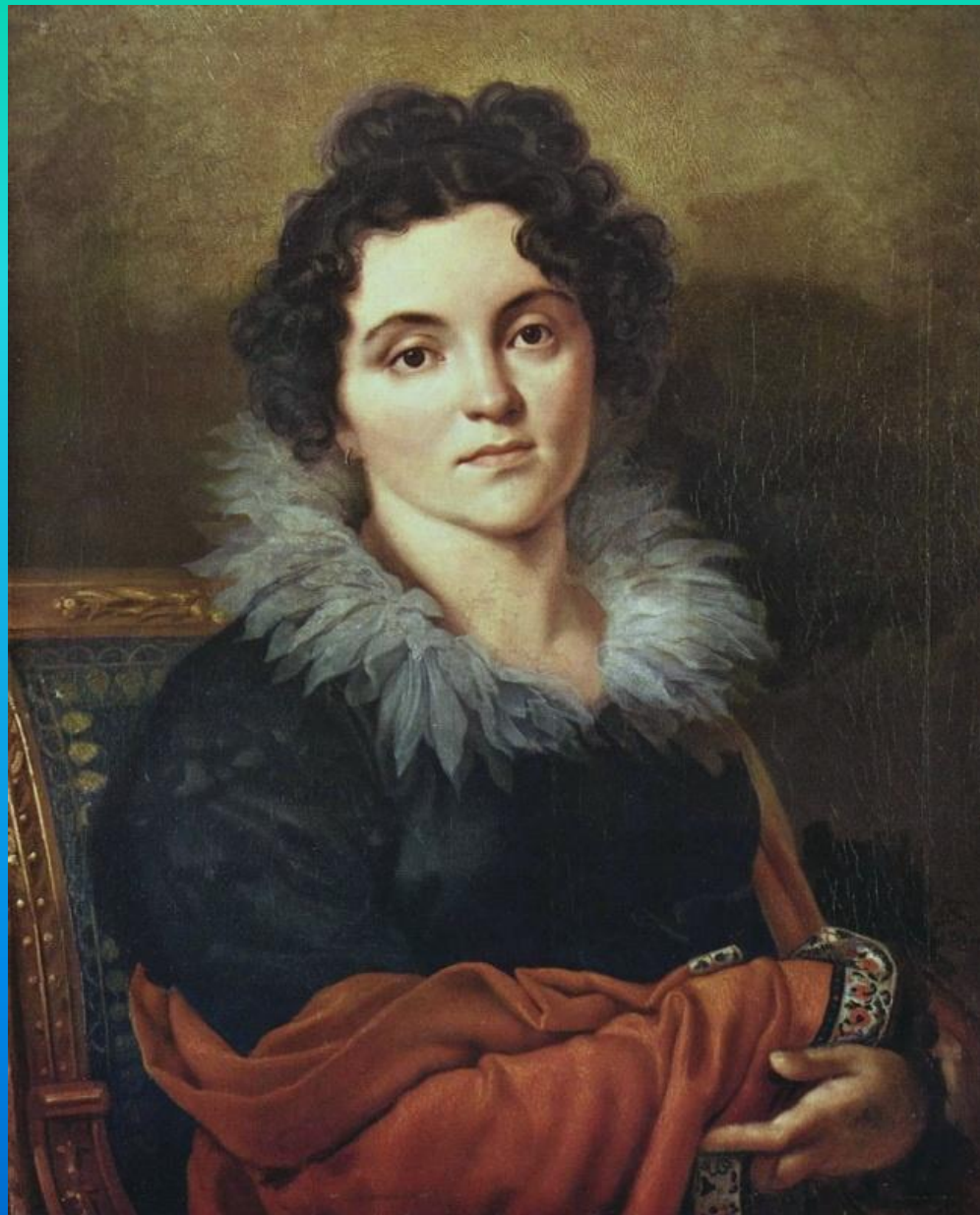
В 1809 г. Кипренский был откомандирован на три года в Москву. Там он создал несколько полотен, за которые его избрали академиком. Одно из них — парадный портрет гусара Евграфа Владимировича Давыдова (1809 г.), двоюродного брата поэта и будущего героя Отечественной войны Дениса Давыдова. Офицер стоит в непринуждённой изящной позе. Он показан почти во весь рост. Его мундир написан насыщенными контрастными цветами: ярко-красный ментик украшен золотым позументом, а белые чикчиры оттенены серебряной портупеей.

Этот портрет Кипренский написал в Италии. Модель изящно и очень по-детски облокотилась на высокий стол и обернулась к зрителю. Прекрасно переданы пластика движения, чистота и естественность ребёнка. Любопытно, что эту картину, как и портрет Адама Швальбе, итальянцы посчитали работой старого мастера. Кипренский писал в Россию: «Мне в глаза говори ли... якобы в нынешнем веке никто в Европе так не пишет, а особенно в России может ли кто произвести оное чудо».

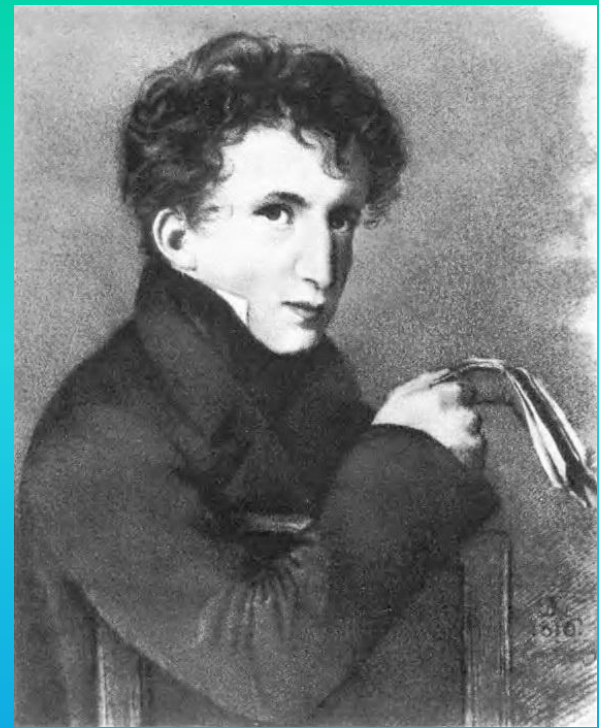
Большой глубиной при внешней простоте обладают женские образы Кипренского. Портрет Дарьи Николаевны Хвостовой (1814г.) отличают спокойствие и умиротворённость. Перед зрителем жена, мать семейства, милая и обаятельная женщина. Детали костюма и обстановки — модная в те годы жёлтая персидская шаль, воздушный кисейный воротник платья, золочёная спинка кресла — выписаны удивительно тонко. Но наиболее привлекательны доброе, отзывчивое, немного печальное лицо героини и взгляд её тёплых глаз.

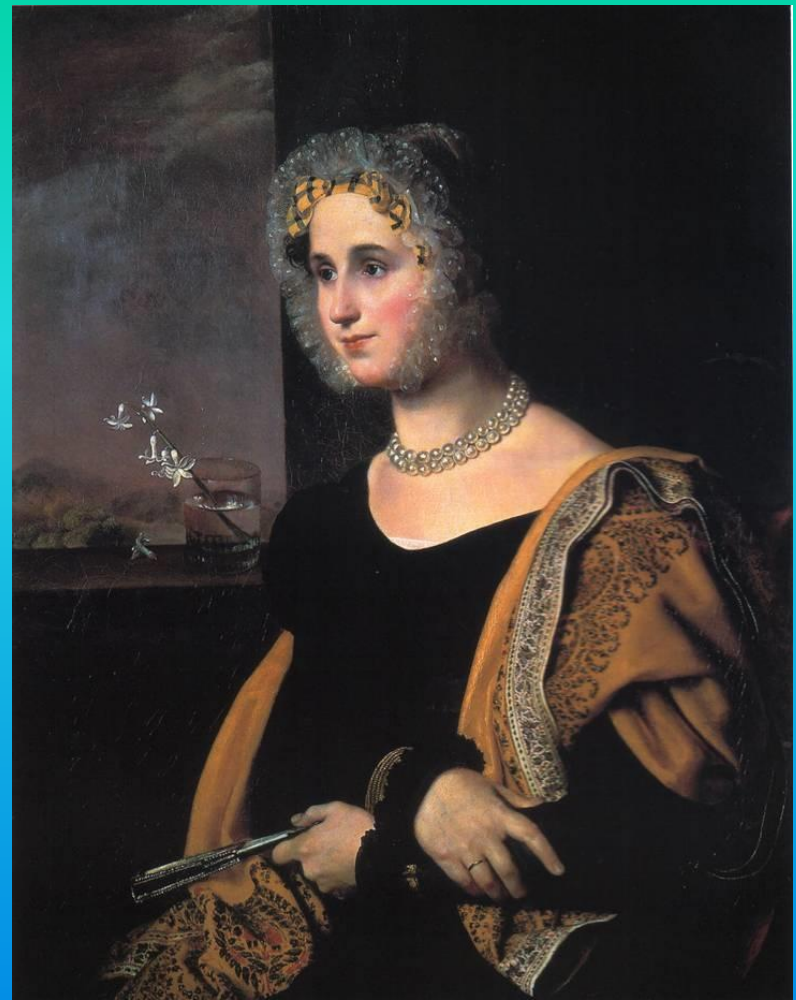
Образ поэта, творца особенно интересовал художников романтического направления. В 1816 г. Кипренский написал портрет Василия Андреевича Жуковского (1783— 1852). Задумчивое лицо стихотворца, контрастное освещение на фоне не чёткого пейзажа с руиной, бурным морем и облачным небом — всё подчёркивает романтический характер его поэзии.

В мае 1816 г. Кипренский, уже сложившийся мастер, впервые поехал за границу, получив пенсион из средств императрицы Елизаветы Алексеевны. Три месяца жил в Женеве, исполняя портреты по заказам семьи Дюваль, в октябре 1816 г. приехал в Рим, посетив по дороге Милан и Флоренцию. В Риме работал над картиной «Анакреонова гробница» (1819-1821), писал и рисовал портреты. В 1820 г. по заказу галереи Уффици исполнил «Автопортрет» (Уффици, Галерея автопортретов). В апреле 1822 г. приехал в Париж, экспонировал в Салоне ряд произведений, начал заниматься литографией. По дороге на родину в Мариенбаде в июле 1823 г. исполнил карандашный портрет И.-В.Гете. В августе 1823 г. вернулся в Санкт-Петербург; в Эрмитаже была устроена выставка его работ, исполненных за границей

В начале 1822 г. Кипренский выставил несколько работ в парижском Салоне. В Париже он выполнил портрет Екатерины Сергеевны Авдулиной (1822—1823 гг.). Её руки сложены совсем как у Джоконды на знаменитом полотне Леонардо да Винчи, которое Кипренский видел в Лувре. Да и сама композиция портрета словно заимствована у мастеров эпохи Возрождения: женщина сидит в тёмной комнате перед окном, за которым открывается пейзаж.

Однако пейзаж у Кипренского — это не выписанный во всех деталях ландшафт и не изображение конкретного города, а неясный, романтический вид. На его фоне особенно трогательным кажется белый цветок левкоя в стакане на окне. С цветком сопоставлен и образ самой героини — одновременно хрупкий и холодный. Взгляд, направленный мимо зрителя, придаёт её лицу выражение отрешённости. С виртуозным мастерством изображены детали костюма — жёлтая узорчатая персидская шаль (такая же, как на портрете Хвостовой), жемчужное ожерелье, кисейный чепец.

В 1823 г. Кипренский вернулся в Петербург. На родине художник написал множество портретов, в том числе портрет Александра Сергеевича Пушкина (1827 г.). Скрещённые на груди руки поэта, складки плаща, наброшенного на плечи, — всё это характерные признаки романтического героя, отрешённого от окружающего мира и погружённого в свои мысли. Живой взгляд пушкинских глаз выражает вдохновение и сосредоточенность. Поэт как бы прислушивается к внутреннему голосу: «...минута — и стихи свободно потекут». Пушкин показан в самый счастливый, светлый момент — момент творчества. Именно это особенно понравилось в портрете и самому поэту. Он выразил своё восхищение мастерством живописца в стихотворении, посвящённом Кипренскому:

*Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз,
— И я смеюсь над могилой,
Ушед навек от смертных уз.
Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид...*

В 1828 г. Кипренский вновь покинул Россию — теперь уже навсегда. Его влекла в Италию любовь к юной Мариучче (Анне Марии Фалькуччи), «девочке в маковом венке», портрет которой он написал почти десять лет назад. В 1834 г. Кипренский перешёл в католичество и обвенчался с Мариуччей. Через два года мастер скончался.